

Роберт Стивенсон

Похождения одной картонки

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

Похождения одной картонки

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Похождения одной картонки / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1878 — (Новые тысячи и одна ночь)

«До шестнадцатилетнего возраста мистер Гарри Гартлей получал обыкновенное джентльменское воспитание, то есть учился сначала в частной школе, а потом в одном из тех больших учебных заведений, которыми Англия справедливо славится. Но с этого времени у него явилось необыкновенное отвращение к учению; из родителей у него были жива только мать, слабая и невежественная женщина; она позволила сыну бросить ученье и заняться исключительно самоусовершенствованием в области разных светских пустяков. Два года спустя он остался сиротой и почти нищим. Для производительного труда он был совершенно непригоден как от природы, так и по воспитанию. Он умел петь романсы и мило аккомпанировать себе сам на фортепьяно; красиво ездил верхом, хотя и боялся ездить; превосходно играл в шахматы. Природа наделила его удивительно привлекательной, на редкость красивой наружностью. Белокурый, румяный, с кроткими голубыми глазами и приятной улыбкой он производил впечатление томной, задумчивой нежности...»

Роберт Стивенсон

Похождения одной картонки

* * *

До шестнадцатилетнего возраста мистер Гарри Гартлей получал обыкновенное джентльменское воспитание, то есть учился сначала в частной школе, а потом в одном из тех больших учебных заведений, которыми Англия справедливо славится. Но с этого времени у него явилось необыкновенное отвращение к учению; из родителей у него были жива только мать, слабая и невежественная женщина; она позволила сыну бросить ученье и заняться исключительно самоусовершенствованием в области разных светских пустяков. Два года спустя он остался сиротой и почти нищим. Для производительного труда он был совершенно непригоден как от природы, так и по воспитанию. Он умел петь романсы и мило аккомпанировать себе сам на фортепьяно; красиво ездил верхом, хотя и боялся ездить; превосходно играл в шахматы. Природа наделила его удивительно привлекательной, на редкость красивой наружностью. Белокурый, румяный, с кроткими голубыми глазами и приятной улыбкой он производил впечатление томной, задумчивой нежности. Манеры его были тихие, вкрадчивые. Но пороха он выдумать не мог, в этом нужно было отдать ему полную справедливость. Совсем не годился ни для войны, ни для мирного управления государством. По счастливой случайности и отчасти через протекцию он в трудную минуту получил место личного секретаря у генерал-майора сэра Томаса Ванделера, командора ордена Бани. Сэр Томас был мужчина лет шестидесяти, с громким голосом, с резкими манерами, характером крутым и властным. За какие-то услуги, о которых ходили темные слухи, передававшиеся на ухо и неоднократно опровергавшиеся, раджа кашгарский пожаловал этому офицеру шестой из известнейших на свете алмазов. Этот подарок превратил генерала Ванделера из бедного человека в богача, из безвестного, непопулярного солдата в одного из львов лондонского общества. Владелец бриллианта раджи был допущен в самые исключительные кружки. И нашлась молодая, красивая девушка из знатной семьи, которая согласилась сделаться носительницей этого бриллианта ценою супружества с сэром Томасом Ванделером. Леди Ванделер была не только сама по себе бриллиантом чистейшей воды, но и умела показать себя свету в самой великолепной оправе. Многие авторитетные лица признавали ее одной из трех или четырех женщин, считавшихся в Англии первыми франтихами.

Секретарские обязанности Гарри Гартлея были не особенно обременительны, но у него было природное отвращение ко всякому продолжительному труду. Ему не нравилось возиться с чернилами, пачкать себе ими пальцы, а прелести леди Ванделер и ее туалеты побуждали его чересчур часто переключиваться из библиотеки в будуар. Он умел обходиться с женщинами, любил и умел поговорить с ними о модах и делал это с увлечением. С ним можно было посоветоваться о цвете ленты и дать ему поручение к модистке. В самое короткое время дело свелось к тому, что корреспонденция сэра Томаса постоянно запаздывала, а у миледи явилась вторая горничная.

Кончилось тем, что генерал, будучи и на службе самым нетерпеливым и взыскательным из начальников, в бешенстве вскочил однажды со стула и объявил своему секретарю, что больше не нуждается в его услугах. Свои слова он сопровождал жестом, весьма мало употребительным в джентльменской среде. На беду дверь была отворена, так что мистер Гартлей вылетел из нее стремглав и растянулся.

Он встал, слегка ушибленный и глубоко огорченный. Жилось ему в генеральском доме очень хорошо. Все-таки он там, хотя и на сомнительной ноге, вращался в лучшем обществе;

работал мало, питался прекрасно и имел возможность замирать от восторга в присутствии леди Ванделер, которую в глубине сердца называл гораздо более нежным именем.

Получив такое солдафонское оскорбление, он сейчас же побежал в будуар и пожаловался на свое горе.

– Я вижу, любезный Гарри, – сказала леди Ванделер, звавшая его всегда просто по имени, как мальчика или как домочадца, – что вы не исполняли того, что говорил вам генерал. Я тоже никогда не делаю по его, как вы, вероятно, сами знаете. Но тут разница. Жена может загладить целый ряд своих провинностей, ловко угодив мужу в каком-нибудь одном случае. Но личный секретарь не жена. Мне очень грустно расставаться с вами, но ведь вы же не можете оставаться в доме, где вам нанесено такое оскорбление. Желаю вам всего лучшего и обещаю вам, что генерал у меня жестоко поплатится за свое поведение.

У Гарри вытянулось лицо, на глазах выступили слезы, и он взглянул на леди Ванделер с нежным упреком.

– Миледи, – сказал он, – что такое оскорбление? Его всегда можно забыть и простить, но расстаться с друзьями, но разрывать узы сердечных отношений...

Он не мог продолжать. Его душило волнение. Он заплакал.

Леди Ванделер поглядела на него с любопытством.

– Дурачок воображает себя влюбленным в меня, – подумала она. – Почему бы ему не перейти от генерала на службу ко мне? Он такой добрый, услужливый, знает толк в дамских нарядах. Кроме того, его следует вознаградить за полученную обиду. Его нельзя не пожалеть, он такой хорошенький.

В этот же вечер она поговорила с генералом, который уже и сам отчасти стыдился своей вспыльчивости, и Гарри был переведен на женскую половину, где он почувствовал себя как в раю. Он очень гордился своей службой у такой красавицы и смотрел на поручения леди Ванделер, как на знаки особого к нему расположения. Перед другими мужчинами, насмехавшимися над ним и презиравшими его, он, как будто на зло, особенно любил появляться в роли дамской горничной мужского пола или модистки в брюках. С нравственной точки зрения он свою жизнь совершенно не был в состоянии обсудить. Он знал только одно, что все мужчины злы, что злость составляет основную черту их характера, и находил, что проводить целые дни с изящной, милой женщиной, толкуя с ней об отделках и прошивках, все равно, что жить на волшебном острове, защищенном от житейских бурь.

В одно прекрасное утро он вошел в гостиную и принялся разбирать ноты на крышке фортепьяно. Леди Ванделер на другом конце комнаты оживленно беседовала со своим братом Чарли Пендрагоном, старообразным молодым человеком, сильно истощенным невоздержанной жизнью и на одну ногу хромым. Личный секретарь, на которого собеседники даже и не взглянули, невольно подслушал часть разговора.

– Сегодня или никогда – говорила леди. – Раз и навсегда это должно быть сделано сегодня.

– Сегодня, так сегодня, если это необходимо, – вздохнул ее брат. – Но только, Клэра, это гибельный шаг, и нам с тобой придется потом горько каяться.

Леди Ванделер бросила на брата твердый и какой-то странный, загадочный взгляд.

– Ты забываешь, что ведь он в конце концов должен же умереть когда-нибудь, – сказала она.

– Честное слово, Клэра, – сказал Пендрагон, – ты самая бессердечная мошенница в Англии.

– Вы, мужчины, созданы очень грубо, – отвечала она, – и совсем не понимаете оттенков. Вы сами и жадны, и хищны, и насильники, и бесстыдники, и не заботитесь о приличиях, а малейшее проявление чего-нибудь подобного в женщине, даже вызванное необходимостью, вызванное заботой о будущем, вас уже шокирует, возмущает. Не выношу я ничего подобного!

Вы не желаете, чтобы мы были умны. Вам непременно хочется, чтобы мы были глупы, чтобы вы могли сообща презирать нас за глупость, которой вы от нас ожидаете.

– Ты совершенно права, – сказал ее брат. – Ты всегда была догадливее меня. Между прочим, ты знаешь мой девиз: прежде всего – семья.

– Да, Чарли, – отвечала она, вкладывая в его руку свою, – я знаю твой девиз лучше тебя. Ты сказал только первую его половину, а вторая будет такой: «и прежде семьи – Клэра». Разве неправда? Ведь это верно, что ты превосходный брат, и я люблю тебя всем сердцем.

Мистер Пендрагон встал, слегка сконфуженный этими семейными нежностями.

– Я бы не желал, чтобы меня видели, – сказал он. – Мне пора идти. Да и за «Ручным Котом» нужно присмотреть.

– Иди, иди, – отвечала она. – Он очень гадкий человек и может все дело погубить.

Она ласково послала ему воздушный поцелуй кончиком пальцев, и брат ушел из будуара по задней лестнице.

– Гарри, – обратилась леди Ванделер к своему секретарю, как только они остались одни, – у меня на сегодняшнее утро есть для вас поручение. Но только вы непременно возьмите кэб; я не хочу, чтобы мой секретарь загорел, и чтобы у него выступили веснушки.

Последние слова она произнесла с большим чувством и при этом взглянула на своего секретаря почти с материнской гордостью, отчего тот пришел в восторг и сказал, что он рад всякому случаю послужить ей и показать свое усердие.

– Только это один из наших величайших секретов, – сказала она лукаво, – и про него кроме меня и моего секретаря никто не должен знать. Сэр Томас, если узнает, поднимет целую бурю, а если бы вы только знали, как мне и без того уже надоели его скандалы! Ах, Гарри, Гарри! Не можете ли вы мне объяснить, отчего вы, мужчины, все такие грубые и несправедливые? Впрочем, вы, я знаю, не такой. Вы единственный из мужчин, свободный от этих ужасных недостатков. Вы такой добрый, Гарри, такой милый. Вы можете быть другом женщины. Знаете, Гарри, при сравнении с вами все прочие мужчины кажутся еще безобразнее.

– Вам это кажется потому, что вы очень добры ко мне, – сказал Гарри. – Вы ко мне относитесь, как...

– Как мать, – перебила леди Ванделер. – Я стараюсь быть вашей матерью, но только я, пожалуй, для этого слишком молода, – прибавила она с улыбкой. – Боюсь, что так... Поэтому скажем лучше: как друг.

Она помолчала ровно столько времени, чтобы дать этим словам произвести свой эффект на Гарри, но чтобы сам он не успел ничего ответить.

– Но мы все говорим с вами не то, все уклоняемся от дела, – сказала она. – В дубовом гардеробе, налево, под розовым платьем с кружевами, которое я надевала в пятницу, вы найдете картонку и сейчас же отнесете ее вот по этому адресу. – Она подала ему клочок бумаги. – Но только ни под каким видом не выпускайте этой картонки из рук, не получив наперед от того лица письменного удостоверения, собственноручно мной написанного и подписанного. Вы поняли? Повторите! Пожалуйста, повторите! Все это до крайности важно, и я прошу вас быть особенно внимательным.

Гарри успокоил ее, повторив слово в слово всю инструкцию, и уже собирался уходить, как вдруг в комнату, весь багровый от ярости, ворвался генерал, держа в руке длинный счет от портнихи.

– Сударыня, не угодно ли вам полюбоваться? – прокричал он. – Не угодно ли вам будет взглянуть на этот документ? Я очень хорошо знаю, что вы вышли за меня замуж только для денег, и я надеюсь, что могу в этом отношении сделать для своей жены значительно больше, чем всякий другой военнослужащий моего чина. Но, вот как Бог свят, я такому бессовестному мотовству потакать больше не могу и должен положить ему конец.

– Мистер Гартлей, я полагаю, вы достаточно уяснили себе мое поручение, – сказала леди Ванделер. – Не потрудитесь ли вы приступить к его исполнению?

– Стоп! – сказал генерал Гартлею. – Одно слово, прежде чем вы уйдете. – Обращаясь опять к леди Ванделер, он спросил: – Какое это поручение? В чем дело? Я этому господину доверяю отнюдь не больше, чем вам, не в обиду будь сказано вам обоим. Если бы в нем была хоть одна искорка чести, он бы посовестился оставаться в этом доме. И что такое он здесь делает за свое жалованье – полнейшая загадка для всех. Что за поручение вы ему дали, сударыня? Куда это вы его посылаете и почему так торопите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.